

Филологические науки

УДК 821.161.1.0

ББК 83.3(2Рос=Рус)1

Трофимова Нина Владимировна,

доктор филологических наук, профессор,

ФГБОУ ВПО «Московский педагогический государственный университет»,

ул. Малая Пироговская, д. 1, стр.1, 119991 г. Москва, Российская Федерация

E-mail: nvt.df@yandex.ru

СВОЕОБРАЗИЕ ПОЭТИКИ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПЛАЧЕЙ В «КАЗАНСКОЙ ИСТОРИИ»

Аннотация: Замысел «Казанской истории» определяет использование в памятнике лирического жанра плачей. Автор показал, что Казань постоянно нападала на русские земли и несла смерть и горе русским людям, поэтому он подчёркивает их чувства плачами. Текст отражает и необычный авторский взгляд на мир и человека: книжник полагал, что чувства всех людей одинаковы, и передавал горе врагов тоже через плачи. Часть плачей состоит только из лирических элементов, другая сочетает их с повествовательными фрагментами. Плачи оформляются системой тропов, связанных с книжной и фольклорной традицией, библейскими цитатами, ритмическими средствами, восходящими к памятникам древнерусского красноречия.

Ключевые слова: «Казанская история», жанр плачей, тропы, библейские цитаты, ритмические средства.

«Казанская история» — памятник воинского повествования второй половины XVI в., использовавший и преобразовавший многие традиционные жанры древнерусской литературы. Причиной этого явления стал масштабный замысел автора, ставившего своей целью показать сначала историю взаимоотношений Руси и Казани как давних врагов, а затем завоевание Казанского царства Иваном IV как закономерное событие, принёсшее безопасность Московскому государству на востоке и явившееся благом для самой Казани. Для выражения мыслей автора важны были плачи, которые традиционно включались в воинское повествование уже в ранних летописных текстах.

Плачи в летописных воинских повестях появлялись в трёх основных формах: упоминание, описание и введение текста. В «Казанской истории» встречаются две из этих форм: описание и включение текста.

В отличие от предшествующих воинских повестей автор передаёт плачи и русских людей, и врагов. Эта новая система плачей объясняется взглядом книжника

на события и людей. Проведший, по его собственному признанию, в качестве почётно-го пленника двадцать лет в Казани, он, видимо, успел убедиться, что человеческая природа одинакова и не зависит от принадлежности к разным народам и веро-исповеданиям, а потому и чувства людей могут быть одинаковы и переданы одними и теми же средствами. Эта позиция, выразившаяся во всей системе изображения персонажей, за которую исследователи не раз упрекали автора в незнании традиции [5, с. 16] и нарушении литературного этикета [4, с. 365–368], сказалась и на плачах, при этом именно они ярче всего показывают, что одинаковое изображение «своих» и «врагов» — не ошибка или литературная неосведомлённость автора, а сознательная позиция.

В «Казанской истории» чаще описываются плачи групп людей, а не отдельных персонажей. Описания плачей русских людей содержат ретроспективную историческую аналогию. Рассказывая о предательстве Махметемина, ставленника московского князя в Казани, решившего, по совету злой жены, перебить всех русских купцов и жителей казанской земли, автор рассказывает: «Вездѣ превзыде вифлиомский плачь: тамо бо младенцы закалаху, отцы же и матери ихъ з болѣзнию души оставахуся, здѣ же состарѣвшиися мужи и жены, и юношы младыя, и красныя отроковицы, и младенцы вкупѣ убивахуся» [2, с. 282]. Плач построен на аллюзии к библейским событиям, причём казанский царь не случайно сопоставлен с царём Иродом, приказавшим убить всех младенцев в Вифлееме: согласно дальнейшему рассказу автора, и наказан он будет так же, как библейский персонаж. Эмоциональный характер описания подчёркивается метафорой и элементами синтаксического параллелизма.

Следующий плач, связанный с поражением во время похода на Казань Дмитрия Углицкого, использует как историческую аналогию предшествующее описание и оплакивание погибших в Куликовской битве: «...велик бысть от тѣх мѣсть плач на Руси, паче того, еже бысть плач о прежнихъ побитых в Казани живущия Руси. Понеже бо ту падоша воинския главы избранныя, княжие и боярские, и храбрых воевод и воинъ главы и тѣла, яко же и на Дону от Мамаю» [2, с. 288].

Обобщающую главу, оплакивающую беды, принесённые казанцами Руси, завершает описание всенародного плача: «И бѣ *скорбь велика* в Русской земли и *велико стѣнание, и рыдание*, и вездѣ произхождаше *плач велегласен и горек, и неутѣшим* от языка *погана и неправедна*, студа и злобы исполнень, от челоуѣк, *сердцы милости не имущих*» [2, с. 318] (здесь и далее выделено мною. — Н. Т.). Цепочка синонимов, дополненная рядом эмоциональных эпитетов, ярко описывает горе русских людей, передавая одновременно и их отношение к врагам.

Сходным образом описывается и плач казанских женщин во время осады города, причём автор передаёт в форме косвенной речи его содержание: они «*вопяху <...> и горко плакахуся велми*», просили мужей выйти навстречу царю, покоровшись, «*изшедше со младенцы своими на руках держаще, и самым имъ руцѣ свои желѣзы и ужи привязавше, и в рубища раздранная одѣянным*» [2, с. 448] — ради того, чтобы сохранить жизнь хотя бы детям.

Описаны также индивидуальные плачи князя Василия Ивановича, узнавшего об очередной расправе с русскими людьми в Казани, и царицы Сумбеки в момент сообщения ей о взятии в плен.

В первом описании передаётся содержание плача, построено оно на синонимии и повторах: великий князь *«многи слезы къ Богу проливая, и по многи дни хлѣба не вкушаше, ядения и пития, и плакашеся Богу о христианстѣй погибели, еже в Казани. Плакашеся и о царѣ Шигалее, яко той тамо же погиге: зѣло бо любляше его»* [2, с. 294].

Описание плача Сумбеки более эмоционально, включает изображение жестов царицы, сопровождаемое выразительными эпитетами и метафорой. К тому же это описание построено по принципу градации: оно переходит в изображение плача придворных, а затем и всех казанцев, использующее однокоренные слова, синонимы, сравнения, составные эпитеты: *«...и заразися от рукъ рабынь, поддерживающих ю, о свѣтличный мость и возопи великим гласом плачевным, подвизающе с собою на плач и то бездушное камение. Тако же и честныя жены и красныя девицы, живущия с нею в полатѣ, яко многия горлицы и загозицы, жалобно плачевныя гласы горкия во весь град испущаху, издираху лица своя красныя и власы рвуци, и руце и мыжцы своя кусающе. И восплакася по ней весь двор царевъ: велможи и властели вси, и царския отроцы. И слышащеи плач той стицахуся ко цареву двору, такоже плакахуся и кричяху неутѣшно»* [2, с. 360].

Таким образом, среди описаний плачей наиболее эмоциональны те, в которых либо передаётся содержание плача, либо описываются внешние проявления чувств плачущих.

Наиболее важное значение приобретают в памятнике тексты плачей, и индивидуальных, в том числе авторских, и коллективных. Глава «О плѣнении казанцев на Рускую землю и о осквернении от них святых божиих церквах и наругание христианомъ» [2, с. 312] по содержанию представляет собой рассказ о нашествиях казанцев на Русскую землю и бедах, принесённых ими русским людям, но по форме это плач автора о несчастьях, перенесённых Русью, построенный с использованием традиционных приёмов.

Глава начинается авторским вступлением: *«И како могу сказати или исписати напасти тоя грозныя и тучи страшныя русским людем во времена те! Страх бо мя побѣждаетъ, и сердце ми горить, и плачь смущаетъ, и сами слезы текутъ изо очию моею! И хто убо тогда, о вѣрнии, изрещи можетъ бывшиа великия бѣды за многа лѣта от казанцевъ и от поганья черемисы ихъ православным христианом паче Батыя»* [2, с. 312–314]. За рассуждением автора о том, что казанцы постоянно разоряли русские земли, не давая *«покоя христианом и тихости на всяк часъ»*, следует пространное обобщённое повествование о разорении и насилиях, чинимых врагами.

Эта повествовательная часть прерывается репликами в форме риторических восклицаний, эмоциональность которых подчёркнута анафорическим междометием «О!», выразительными метафорическими эпитетами, олицетворением и синтаксическим параллелизмом: *«О жестокия сердца! О каменныя утробы ихъ! О солнце, како не померче и сияти не преста! Како луна не преложися в кровь, и звѣзды, яко*

листвие от древес, на землю како не низпадоша! О земле, како стерпѣ таковая и не разверзе усть своихъ, и живых не пожре беззаконникъ тѣх, и во адъ не низведе ихъ!» [2, с. 316] (Ср. Иоиль 2: 31, Мф. 24: 29, Деян. 2: 20, Откр. 6: 12–13). В Апокалипсисе образы изменения светил связываются со снятием шестой печати, предвещающим явление антихриста, что соответствует авторскому пониманию современных ему событий: жестокость казанцев должна вызвать неизбежное падение грешного царства, которому предшествуют вселенские катаклизмы.

Далее автор вновь возвращается к бедам, принесённым врагами, рассказывая в том числе о насильственном обращении русских людей в мусульманство и убийстве непокорных.

Эта глава представляет собой предельное для воинского повествования пространство авторского плача. В нём последовательно сочетаются лирические и эпические элементы, что характерно и для последующих двух плачей последней «вольной» казанской царицы Сумбеки, которые ярко раскрывают её внутреннее состояние в момент, когда она оказалась не самовластной правительницей, а пленницей московского князя.

Первый плач включён в главу «О изведении царицы и сына ея» [2, с. 358]. Он обращён Сумбекой к покойному мужу Сапкирею и произнесён в мечети, где он был похоронен. В нём содержится целый ряд традиционных мотивов плача об умершем: ранняя смерть супруга и краткость жизни, желание умереть, чтобы соединиться с покойным и избежать жизни в плену, одиночество и беспомощность, судьба малолетнего сына, смена радости и веселья плачем и горькими слезами [1, с. 135].

Композиционно плач организован с помощью анафорического восклицания «Увы мне!», начинающего каждую новую мысль, изложенную с помощью риторических вопросов, восклицаний, обращений, в ритмической форме, организованной антитезой, приёмом синтаксического параллелизма, оборотами с однородными членами, синонимичными или дополняющими друг друга по смыслу: «...и на землю чюжду не иду, и в поругание, и в посмѣх, и во иную вѣру, в незнаемья люди и въ язык чюж!» [2, с. 362], анафорой и антитезой: «Увы мнѣ! Царица твоя бѣх иногда, нынѣ же горкая плѣнница! И госпожа именовался всему царству Казанскому, нынѣ же убогая и худая раба! *И за радость и за веселие плач и слезы горкия постигоша мя, и за царскую утѣху сѣтование болѣзненное и скорбнѣя бѣды обыдоша мя* (ср. Ам. 8: 10, Плач Иер. 5: 15), иже бо плакаться не могу, ни слезы текутъ из очию моею, *ослѣпота бо очи мои от безмѣрныхъ и горкихъ слезъ моихъ* (Ср. Плач Иер. 2: 11), и премолче глас мой от многаго вопля моего» [2, с. 364]. В приведённом отрывке в перефразированном виде звучат библейские образы, взятые из пророческих книг.

Эмоциональность плача подчёркивается рассказом автора о том, что царице посочувствовали не только казанцы, но и воевода, посланный за ней из Москвы, который «увѣщаваху царицу ласковыми словесы сладкими, да не плачетъ, да не тужить» [2, с. 364].

Второй плач Сумбеки помещён в главу, рассказывающей о её выходе из Свяжска, и обращён к Казани. Начало его повторяет обращение, использованное

в Апокалипсисе по отношению к Вавилону: «*Горе тебѣ, граде кровавый, горе тебѣ граде унылый...*» [2, с. 366] (ср. Откр. 18: 10, 16, 19). Сходны с библейскими и образы, использующиеся далее: город представляется овдовевшей царицей (ср. Плач Иер. 1: 1), а значительная часть обоих текстов, как и в предыдущем плаче, строится на основе противопоставления былого обилия, богатства, радости и нынешней нищеты, страдания, горя. Сумбека плачет: «Уже бо спаде вѣнец со главы твояе! Яко жена худа и вдова являешия осиротѣвши... И се восплачися со мною, всекрасный граде, и вспомяни славу свою, и празднства, и торжествия своя, и пиршества и веселия всегдашня!.. Вся та нынѣ исчезоша и погибоша; и в тѣх мѣсто быша в тебѣ многонародная стѣнания, и воздыхания, и плачевѣ, и рыдания непрестанно» [2, с. 366–368] (ср. Откр. 18: 7, 8).

Царица предсказывает гибель городу, утверждая, что со смертью царя он был обречён. В плаче использованы яркие образные средства. Олицетворённая Казань сравнивается со зверем, не имеющим головы. Используются метафоры, характеризующие настоящее состояние: «уже спаде вѣнец со главы твояе» (Ср. Плач Иер. 5: 16), «раб еси, а не господинъ» [2, с. 366], «нынѣ же в тебѣ людей твоих *крови* проливаются, и *слез* горящих источники лиются и не изсякнут» — и прошлое города: «Тогда в тебѣ *рѣки медвенныя* и *потоцы винныя* тецаху» [2, с. 368].

В то же время Сумбека вновь оплакивает свою судьбу пленницы, жалуясь, что ей не суждено окончить свою жизнь ни в Казани, ни у отца в Ногайской земле, ибо негде ей взять «птицу борзолѣтную и глаголющую языком человеческим», чтобы послать весть родным. Таким образом, в плаче сочетаются мотивы личного горя царицы и горя, приходящего на всю землю.

Книжник использовал риторические, поэтические и ритмические средства: анафору, антитезу, эпитеты, метафоры, последовательно выдерживаемые синтаксически параллельные конструкции, риторические обращения и восклицания. Этот плач выполняет наряду с эмоционально-выразительной и необычную для лирического жанра символическую функцию, предсказывая скорое падение города.

Плач царицы Анастасии, провожающей Ивана IV в поход, повторяет основные мысли и отчасти стилистику плача, отражённого Никоновской летописью, которая, вероятно, и послужила источником текста в «Казанской истории»:

Никоновская летопись	Казанская история
«и плакася горко; и егда <i>возможе отъ великихъ слезъ</i> удрѣжатися и <i>проглаголати</i> государю благочестивому царю и великому князю Ивану: « <i>Ты убо, благочестивый</i> государю мой, <i>заповѣди храниши</i> Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, еже ти хотящу <i>душу</i> свою <i>положити</i> за православную вѣру и за православныя христиане, азъ же како <i>стерплю</i> отшествие своего	«И <i>восплакася горце</i> , и едва мало <i>воздержавшися</i> и <i>возможе отъ великихъ слезъ проглаголати</i> : « <i>Ты убо, о благочестивый</i> мой господине царю, <i>заповѣди Божия храниши</i> и тщишия единъ паче <i>всѣхъ душу</i> свою <i>положити</i> за люди своя. <i>Азъ же</i> , свете мой драгий, <i>како стерплю</i> на долго <i>разлучение</i> твое от мене, <i>или кто ми утолитъ</i> мою <i>горкую печаль?</i> Или кая птица во един час

Никоновская летопись	Казанская история
<p>государя? Или кто ми утолитъ горкую сию печаль? Или кто ми принесеть и повѣдаетъ великую сию милость отъ Бога на благочестивомъ моемъ государѣ, яко благочестивый царь всея Руси самодръжець отъ всемилостиваго и вседръжителя Бога милость получи и съ всѣмъ своимъ христолюбивымъ воинствомъ <i>брався</i> съ нечестивыми и <i>одолѣти</i> и на свое царство здравъ възвратися?..» [3, с. 185].</p>	<p>прилѣтит и долготу путя того и возвѣстит ми слаткую вѣсть здравия твоего, яко ты с погаными <i>брався</i> и <i>одолѣти</i> возможе?» [2, с. 400].</p>

Плач в «Казанской истории» последовательно сокращает текст летописи, снимая официальные титулования, заменяя отдельные книжные слова более собственными разговорной речи, и делает его более личным, выражая не столько заботу царицы о благополучном походе царя со всем воинством и надежду на Божью помощь в нём, сколько заботу жены о жизни мужа, отправляющегося в дальний и трудный поход. Изменению тональности плача способствует и использованное в «Истории» метафорическое обращение «свете мой драгий», и появление образа птицы, которая могла бы принести весть о муже; и тот, и другой приём напоминают фольклорные тексты. Примечательно, что образ птицы, которая может отнести или принести весть, появляется в плачах и Сумбеки, и Анастасии, что подтверждает мысль об авторском понимании общности человеческих чувств.

И в летописи, и в «Казанской истории» эти плачи прямо переходят в молитвы о победе, т. е. возникает контаминация лирических жанров: плач-молитва.

Из индивидуальных плачей стоит упомянуть ещё плач изменника Махмемтемина, поражённого проказой. Первая часть плача — воспоминания о добром отношении к нему московского князя, о его собственной неблагодарности и измене. Вторая содержит мысль о бесполезности земного богатства в момент наказания, которое постигло его за преступление. В тексте явны эпические элементы, переплетающиеся с лирическими излияниями в форме риторических вопросов и восклицаний, со множеством эпитетов.

Коллективные плачи, приведённые в памятнике, принадлежат казанцам. Первый произносят женщины и дети вельмож, которых отправил в Москву как пленников Шигалей. Плач этот вводится подробным описанием состояния произносящих его и оформляется синонимами, однородными членами, повторами: «И *восплакашася* горко и *воскричаша* по мужех своих катуны, и дѣти по отцѣх своихъ, просящеся во единых срачицах за ними на Русь. «*Отпустите* нас, — вопияху, — о казанцы, за нашими мужми *отпустите!* Все наше имѣние возьмите у нас и нагих *отпустите* нас, да умрем с ними в темницѣ на Москвѣ, не можем бо здѣ быти без них ни единого дни. Нам бо младым овдовѣвшим и малымъ чадом нашим

осротѣвшим, и домы наши и села великия запустѣют и богатство все изгибнетъ». И бысть по них плач неутѣшимый по многи дни» [2, с. 384].

Два кратких плача произносят казанские женщины: в начале осады города Иваном IV они просят сыновей пощадить их старость и собственную юность и смириться с московским царём [2, с. 448] (источником этого плача В. П. Адрианова-Перетц считала хронографическую «Троянскую историю» [1, с. 156]), а в конце осады матери напоминают о первом своём плаче и упрекают сыновей в неразумии и немилости к ним [2, с. 468]. Оба плача вводятся описаниями состояния и жестов плачущих.

Две главы (81 и 82) передают плачи казанцев, произнесённые после того, как русские воины вошли в город. В главе 81 «Плачь и уничтожение к себѣ казанцев и убиение князя Чапкуна» содержатся три небольших плача. Они принадлежат группам горожан, в страхе и отчаянии бегаящим по улицам города. Первый плач они произносят «и кличющи, и ревущи сами к себѣ», оплакивая гибель сильного войска и свою участь, при этом в плаче используются метафоры и олицетворения, риторические восклицания, а текст плача организован анафорическими союзом «и» и междометием «О!»: «И днесь мимо иде день добраго жития нашего, и *зайде красное солнце* от очию нашею, и *свѣт померче*. О горы, покрыйте нас! *О земле мати, раздвигни уста своя нынѣ скоро и пожри нас, чад своих, живых* (ср. Откр. 6: 15–16, 12: 16), да не видимъ горкия смерти сея, внезапно со единого пришедшия вдруг на всѣх нас!» В этом тексте исполняются пожелания, высказанные казанцам в авторском плаче о бедах, принесённых ими Руси, что подчёркнуто использованием тех же образов: заходит солнце, меркнет свет, и казанцы сами просят, чтобы земля пожрала их живых.

Другие жители отвечают им плачем, в котором используется образ смертной чаши и приём антитезы: «...приидоша бо они к нам, гости немилыя, и наливают нам пити горкую чашю смертную, ея же мы иногда часто почерпахомъ имъ, от них же нынѣ сами тая же горкая пития смертная неволею испиваемъ и кровь их излилася на нас и на чада наша» [2, с. 464]. На образ чаши в этом плаче как отзвук «Повести о разорении Рязани Батыем» обратила внимание В. П. Адрианова-Перетц [1, с. 157]. Не отрицая возможного влияния предшествующей воинской повести, заметим, что образ чаши широко распространён в библейских текстах с весьма разнообразными значениями. Имея в виду последовательное цитирование Библии в плачах, можно предполагать, что здесь могла сказываться и традиция образа, присутствующего, например, в пророческих книгах (Иез. 23: 33; Авв. 2: 16; Иер. 49: 12; и др. См. также Откр. 16: 19).

Третий плач вплетается в обращение к предателю князю Чапкуну, удерживавшему казанцев от сдачи города. Обвиняя его, они оплакивают своё неразумие, сожалея о том, что не послушались матерей и жён, уговаривавших их сдать московскому царю. Плач содержит повторяющиеся эмоциональные анафорические восклицания «Увы!» и «Горе нам!»

Плач казанцев, обращённый к московскому царю, помещён в главе 82 «Моление и смирение казанцев» [2, с. 466]. В нём наиболее значительны эпические эле-

менты: казанцы вспоминают лукавство и измены своих предков и свои собственные по отношению к московским князьям, зло, причинённое за много десятилетий Русской земле. Они оплакивают и свою судьбу, вспоминая, что послушались князя Чапкуна и теперь погибают из-за этого. Помнят они о прорицаниях будущего покорения Казани Москве, которые были, по их словам, ещё до рождения царя, но они не прислушались к ним из-за своей злобы и гордыни. Плач содержит мольбу к царю: «Ныне же, самодержче великий, да буди царствуя по нас и владѣя Казанью мирне и многолѣтне, и во вѣки царствуя» [2, с. 468]. Примечательно, что в первую часть плача вплетается гиперболизированная похвала московскому самодержцу, его силе и могуществу: «...велику царю, и богату, ему же многи царства и земли подлѣжахуть, безчисленни дары носяще, и князи самодержавни работают, и волнии царие служат, повинувшеся, паче многих царей славою и силою, и богатством превозходящему, ему же точных во вселенней не обрѣтается» [2, с. 466]. Здесь повторяется форма плача-похвалы, появившаяся в «Сказании о Мамаевом побоище» (возможность сочетания плача и похвалы, в первую очередь в житиях и некоторых летописных текстах, отметила В. П. Адрианова-Перетц [1, с. 165–167, 178–179]).

Пространный плач сопровождается описанием состояния казанцев, подчёркнутого тавтологией и устойчивыми эпитетами: «И плакаху казанцы плачем великим, раздираючи в тугах на себѣ ризы своя и объимающе отцы сынов своих, матери же чад своих, проливающе слезы горкия» [2, с. 468].

Тексты плачей в «Казанской истории» более многочисленны и разнообразны по содержанию, чем в предшествующем воинском повествовании. В соответствии с ходом событий и авторским взглядом на человека они произносятся как русскими людьми, так и врагами, причём плачи последних более многочисленны и вводятся описаниями состояния и жестов персонажей, усиливающими выразительность текста. В плачах автора и врагов чередуются элементы рассуждения и повествования, благодаря чему они приобретают лиро-эпический характер. Плачи отличаются последовательно выдержанным эмоционально-риторическим стилем, который создаётся сочетанием риторических приёмов, повторов, синонимии, анафор, библейских цитат, тропов. Характерным приёмом в плачах казанских людей становится противопоставление прошлого и настоящего, подчёркивающее важную мысль автора о завоевании Казани как справедливом возмездии за многовековое разорение казанцами Русской земли.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Адрианова-Перетц В. П. Очерки поэтического стиля Древней Руси. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. 185 с.
- 2 Казанская история // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 2004. Т. 10. С. 252–509.
- 3 Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью / Полное собрание русских летописей. М.: Языки русской культуры, 2000. Т. 13. 544 с.
- 4 Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы // Лихачев Д. С. Избранные работы. Л.: Худож. лит., 1987. Т. 1. С. 261–654.

- 5 Орлов А. С. О некоторых особенностях стиля великорусской исторической беллетристики XVI–XVII вв. СПб., 1909. 36 с.

* * *

Trofimova Nina Vladimirovna,
DSc in Philology, Professor,
Moscow State University of Education (MSPU),
M. Pirogovskaya str., 1/1, 119991 Moscow, Russian Federation
 E-mail: nvt.df@yandex.ru

LAMENTATIONS IN «THE KAZAN HISTORY»

Abstract: The idea of «The Kazan history» defines the use of the lyrical genre of lamentations. The author of «The Kazan history» showed that Kazan had always attacked Russian territories and brought death and grief to Russian people therefore he emphasized their feelings by lamentations. The text reflects also the author's peculiar ideas about the world and man: he thought all people to have the same feelings and transmitted the grief of enemies by lamentations too. One share of lamentations includes only lyrical elements, the other combines lyrical and narrative fragments. The texts are drawn up by a system of tropes connected with literary and folk traditions, Bible quotes and by rhythmic means, going back to the monuments of eloquence.

Keywords: «The Kazan History», a genre of lamentations, tropes, Biblical quotes, rhythmic funds.

REFERENCES

- 1 Adrianova-Peretts V. P. *Očerki poetičeskogo stilja Drevnej Rusi* [Essays on Old Russia poetic style]. Moscow; Leningrad, Izd-vo AN SSSR Publ., 1947. 185 p.
- 2 Kazanskaja istorija [The Kazan history]. *Biblioteka literatury Drevnej Rusi* [Library of Old Russian literature]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2004, vol. 10, pp. 252–509.
- 3 Letopisnyj sbornik, imenuemyj Patriarshej ili Nikonovskoj letopis'ju [Chronicle collection named Patriarch or Nikon's chronicles]. *Polnoe sobranie russkih letopisej* [Complete collection of Russian chronicles]. Moscow, Jazyki russkoj kul'tury Publ., 2000. Vol. 13. 544 p.
- 4 Lihachev D. S. *Pojetika drevnerusskoj literatury* [Poetics of old Russian literature]. Lihachev D. S. *Izbrannyje raboty* [Selected works]. Leningrad, Hudozhestvennaja literature Publ., 1987, vol. 1, pp. 261–654.
- 5 Орлов А. С. *O nekotoryh osobennostjah stilja velikorusskoj istoričeskoj belletristiki XVI–XVII vv.* [Some features of the style of Russian historical fiction of XVI–XVII centuries]. St. Petersburg, 1909. 36 p.